

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

Из предисловия к английскому изданию романа Л. Н. Толстого «Воскресение»

Несколько лет тому назад, когда впервые возникла мысль осуществить издание произведений Толстого, так называемое «Centenary Edition», я принял предложение мистера Моода¹ написать предисловие к роману «Воскресение». Роман этот запечатлелся в моей памяти как своего рода русская параллель к теккереевской «Мещанской истории»², этой пронизанной чувством раскаяния повести о бесчестном оболъщении. Но заключительная часть «Воскресения», подобно роману «Филипп, ищущий своего отца»³ Теккерей, оставила в моей склонной к избирательности памяти лишь слабый след. Ныне, по настоянию мистера Моода, я вновь перечитал обе эти книги. И мое прежнее впечатление о них во многом изменилось. Как и раньше, я нахожу в них ярко выраженные автобиографические черты и богатый жизненный опыт авторов, особенно в ситуациях, которыми эти произведения начинаются. Но теперь я отдаю себе отчет в том, что ощущение глубокой правдивости описываемого, возникшее у меня при первом чтении, в гораздо большей степени объясняется тем откликом, который вызвали в моей душе описываемые события, чем совершенством художественной формы этих произведений. Каждый настоящий мужчина, воспитанный в условиях XIX века, испытал свойственное героям этих книг стремление к тайным наслаждениям и, как следствие этого, — сомнения, замешательство, увертки и раскаяние. И два этих великих романиста поистине увековечили подобное состояние человеческой души. Но то, чем они как бы обрамляют и дополняют увиденное, подсмотренное ими в самой жизни, меня уже не может взволновать. Если все эти добавления когда-либо и обладали какой-то силой воздействия, то теперь она навсегда утрачена. Я не стану говорить о том, как Филипп, разыскивая своего отца, все больше и больше погружался в атмосферу ранневикторианской эпохи с ее поверхностностью и измельче-

нием души. Меня сейчас интересует паломничество Нехлюдова в глубины заново прочувствованных текстов Нового Завета. Восхищаясь русскими писателями, я всегда проявлял известную сдержанность. Отдавая среди них предпочтение Чехову и Тургеневу, я с кротким удивлением и некоторой недоверчивостью наблюдаю за тем, как мой друг Арнольд Беннет, охваченный почти экстатическим восторгом перед Достоевским⁴, падает, так сказать, ниц перед своим огромным, неуклюжим кумиром, раздирая на себе одежды и нещадно бичуя себя. Он расставляет писателей всего мира по ранжиру (занятие это более пристало школьному учителю, чем серьезному исследователю художественного творчества) — и русские всегда занимают у него первые места, получая в сравнении с другими наивысшие оценки. Памятуя о своем обещании мистеру Мооду, я попытаюсь проникнуть в суть и дух книги, рассмотрение которой мне поручено, не испытывая при этом ни слепого восхищения поденщика, работающего на той же ниве, что ее автор, ни равнодушия ученика. Женщину судят за соучастие в убийстве и выносят ей несправедливый приговор. Ход процесса описан с точки зрения интеллигентного и симпатичного человека из числа присяжных. Все это изображено прекрасно. Но мистер Голсуорси мог бы сделать это ничуть не хуже — а между тем это лучшая часть книги. Сидя в зале суда, Нехлюдов какое-то время не узнает Маслову. И это вполне естественно, ибо эта женщина совершенно не похожа на соблазненную им девушку. Но затем, благодаря каким-то общим, им обеим присущим чертам — простодушию, обаянию и даже, быть может, благодаря сходству имен, на него вдруг нахлынули воспоминания и раскаяние, которые могли бы быть вполне достоверны и убедительны. Но ради остроты коллизии автор превращает сходство в тождество, герой узнает в подсудимой свою жертву, сюжет завязывается, и грешник оказывается перед лицом совершенного им злодеяния. Он понимает, что перед ним та самая девушка, которую он погубил. И этого одного было бы уже вполне достаточно для создания драматической ситуации. За десять лет другая Маслова полностью усвоила психологию проститутки. В новом ее обличье не проскальзывает ни единого признака того духовного склада, который был ей свойствен до ее падения. Десять лет назад, когда Нехлюдов проник к ней в комнату, она была «чистым» созданием, теперь же являет собой нескромную жрицу любви, чуть ли не гордящуюся своей профессией, и он безмерно ошеломлен своим открытием. Я тоже. Сюжет «подгоняется» к данной ситуации, при этом непоправимо страдает психологическая достоверность персонажей.

Я считаю, что Маслова, — если это действительно та самая особа, которую соблазнил Нехлюдов, — и десять лет назад не могла быть чистой и невинной. И Нехлюдов выглядел бы куда привлекательней, если бы вместо того, чтобы ужасаться ее нынешней порочности, хорошенько обругал себя за то, что так сглупил, предоставив столь очаровательной грешнице одной барахтаться в грязи.

Должен признаться, что как только суд окончен, Маслова и Нехлюдов утрачивают для меня всякий интерес. Я перестаю верить в их подлинность, в их реальность. Гораздо более замечательное лицо в романе — сам Толстой. Вот он-то привлекает внимание до конца...

Как и у Достоевского, сила Толстого заключается в изумительном обилии увиденных в самой жизни фактов; в такой же, как у Достоевского, щедрости повествования, в яркой, красочной передаче шумной ярмарки жизни, которую вы как бы видите сквозь настежь распахнутое окно. Насыщенность фактами, многословие — в хорошем смысле этого слова, и глубокое чувство детали — вот отличительные черты всех хороших романов. Вот то, что отличает роман реалистический от романической чепухи. И чем больше насыщен он неопровержимо достоверным и красочным содержанием, тем он лучше. Поэтому-то Генри Джеймс, несмотря на все свои старания, не может быть отнесен к числу великих романистов. Его книги бедны содержанием, и никакое совершенство формы и стиля не может восполнить этот недостаток. Насыщенность фактами, степень проникновения в сущность фактов — с этой-то меркой и нужно подходить к великим русским писателям.

Финал книги напомнил мне холодное петроградское утро*. Ночь напролет, до самой зари, шла беседа — очень умная, содержательная, но так ни к чему и не приведшая. Уже осушены бутылки, стол завален окурками и всех сковала страшная усталость. Рассказывали бесконечные анекдоты, толковали о вопросах пола, о любви, о Боге, об истине и снова о вопросах пола, о преступлениях, о политике, о нациях, о науке и вновь о преступлениях и вновь о вопросах пола — пока все не устали и не продрогли. И вдруг кто-то мягко произносит: «Послушайте» — и, взяв томик Евангелия, начинает читать вслух несколько не относящихся к делу текстов. «Как хорошо! — раздаётся чье-то пылкое восклицание. — Новая жизнь воссияла надо мной. Я прозрел. Я вижу истину. Я понял все». И тогда собравшиеся, вздохнув с сознанием умственной и духовной удовлетворенности, поднимаются, чтобы разойтись.